

Президенту Российской Федерации господину Путину В.В.

Уважаемый господин Президент.

Недавнее выступление мэра Москвы С.С. Собянина, показанное в программе «Время» 28.09.2020 с. г. в 21-00 побудило меня сделать его слова эпиграфом моего настоящего обращения.

«Так как мы находимся в сложных условиях, в том числе, выхода из пандемии, мне кажется нужно создать своеобразный мораторий на то, чтобы не грузить бизнес и строительство дополнительными требованиями. Хотя бы 2-3 года сделать передышку. Некоторые объекты просто не могут быть введены, потому что во время строительства уже поменялись требования к ним. На территории страны десятки тысяч объектов являются долгостроем. Они физически построены, но фактически не введены в строй. В большинстве случаев это не потому, что они не достроены, а потому, что требования, которые к ним предъявляются, уже невозможно в настоящее время реализовать».

По меньшей мере, два неглупых человека прошлого (Франсуа де Ларошфуко и Константин Николаевич Батюшков) писали, что философия господствует над прошлым и будущим, а над самой философией господствует настоящее. Да, собственно, для того, чтобы с высоты текущей «реал-политик» Вы могли отнестись к моим многократно направлявшимся Вам «философствованиям» с убойным неприятием Вам не нужны никакие обоснования давно ушедших мудрецов. Воля-то Ваша. Только над одним в жизни все люди не властны одинаково – над непрерывным течением времени. И очень скоро сложности сегодняшней жизни станут прошлым. И судить всех нас будет не ОН (БОГ), а ОНА – ФИЛОСОФИЯ. А философия есть наука. Наука всех наук. И наука, как Вы прекрасно знаете хотя бы из реальной диалектики развития оборонных отраслей промышленности РФ в последние 20 лет, часто развивается противоречиво, не всегда в соответствии с ожиданиями политиков.

Наука «морфология мозга» информирует нас о том, что у человека в обществе существует гигантская внутривидовая изменчивость, проявляющаяся в порядковых количественных различиях в развитии у разных людей отдельных областей человеческого мозга (даже близких родственников), обуславливающая существование и широчайший диапазон проявления различных психофизиологических и трудовых качеств человека, превышающая различие некоторых из них у человека и ближайших к нему по развитию приматов.

Науки «генетика» и «ДНК-генеалогия» информируют нас о том, что под влиянием массы различных исторических условий и обстоятельств у представителей разных народов психофизиологические черты концентрируются некоторым, опять-таки, разнообразным, но устойчивым образом, обуславливая обладание ими некоторыми выраженными чертами характера. Эстонцы и скандинавы, например, известны своей повышенной основательностью и медлительностью. Испанцы и итальянцы – напротив, вспыльчивостью и импульсивностью.

Англосаксы, проживающие в западной части евразийского континента и заселившие относительно недавно Северную Америку, отличаются высочайшими индивидуализмом и

эгоизмом (хуторной и фермерский способы хозяйствования, культ и традиция применения личного оружия, экстерриториальность жилища, протестантизм, федерализация государственного устройства, господство личной и частной собственности, превалирование прав личности). Ярчайшим примером такого индивидуализма является право гражданина на убийство человека, против его воли проникшего в его жилище.

На восточной оконечности евразийского континента проживают народы, которые, противоположно англосаксам, отличаются повышенным коллективизмом и «государствизмом» (японский и корейский культ фирмы, культ императора, руководителя, имперское построение государства). Ярчайшим примером примата в восточной Азии интересов государства и государя над интересами личности является традиция камикадзе, сознательно готовивших себя к добровольной смерти во благо империи и императора.

Россия исторически является срединным евразийским государством. Русские, россияне на линейке крайностей индивидуализма-государствизма исторически всегда занимали срединное положение. И всегда и поочередно находились под господствующим влиянием то эгоистичных западноевропейцев, то «государственнических» восточных азиатов.

Важнейшим фронтом исторического противоборства этих западных и восточных менталитетов и идеологий была борьба на фронте частной собственности на средства производства. На европейском западе (и в Северной Америке) все время ее существования гегемоном общества был индивидуальный, а затем, корпоративный частный собственник, который, по необходимости, создавал и содержал государство. На азиатском востоке главным собственником частных средств производства были государство и государь. А в России всегда было, почти в равной мере, и то и другое, и, одновременно, не то, ни другое, развитое в наиболее высокой степени. И никому в истории: ни Петру I, ни другим российским царям, ни Столыпину, ни наполеоно-гитлеровским «просветителям» не удавалось сделать из русских «настоящих западноевропейцев». И ни мамаям, ни батыям, ни хирохитам не удавалось из русских сделать «настоящих самураев». Ведь невозможно быть индивидуалистичнее и эгоистичнее, чем англосакс. И невозможно быть большим «послушником государя», чем самурай и камикадзе. И русские всегда пытались оставаться самобытными, старались найти в этой борьбе противоположностей «золотую середину» наилучшего согласования интересов личности и общества-государства.

Про большому счету, Великая октябрьская антикапиталистическая революция (и у меня есть все научные основания называть ее таковой, а не подлинно социалистической) 1917 года в России и была именно попыткой реализации такой срединности. Посредством отмены главного источника общественного индивидуализма и эгоизма и раскола общества на принципиально непримиримые части – частной собственности на средства производства. Марксу, Ленину и большевикам показалось, что превращение собственности на средства производства в государственную форму (отчасти и позднее в колхозно-кооперативную), огосударствление народного хозяйства обуздает и вытравит человеческий индивидуализм. Но на деле в экономической системе СССР была реализована в специфической форме экономическая восточноазиатская государственническая деспотия.

Глубочайшая причина такой метаморфозы истории известна. Но известна, по-видимому, только мне (как известно, в науке истины открываются не обязательно штатным академиком).

Мировоззренчески, философски, идеологически марксизм-ленинизм был наиболее прогрессивной естественноисторической концепцией посткапиталистической эпохи саморазвития (при важнейшей роли личности) человеческой цивилизации. Но экономическая основа марксистско-ленинского социализма оказалась антинаучной. Экономическое учение Маркса оказалось частично неполным и критически ошибочным! С экономической точки зрения в СССР был создан не социализм, а анти-капитализм. Да, в особые периоды истории страны и в отдельных отраслях, где государство концентрировало громадные материальные и человеческие ресурсы, в СССР были достигнуты выдающиеся результаты (деспотия, как известно из истории, отчасти тоже бывает успешной). Но именно контрнаучность экономического учения марксизма предопределила все «шарахания» экономической политики и, в конечном счете, раскрутку «затратного механизма» в поздний период СССР и взрыв государства и социально-экономической системы.

Маркс открыл двойственный характер труда в составе конкретного характера труда и абстрактного характера труда. И в этом он был точнее субъективистов-маржиналистов. Но таким двойственным образом труд Марксом охарактеризован не достаточно полно. В действительности, труд любого человека и всегда имеет тройственный характер. В действительности, труд имеет черты конкретного характера труда (как у Маркса), абстрактного затратного характера труда (как отражение неизменного стремления человека для получения обычного результата, продукта труда затрачивать возможно меньшее количество своего абстрактного труда, своей рабочей силы) и абстрактного результативного характера труда (как отражение неизменного стремления человека при приложении обычных затрат труда, рабочей силы, получать возможно больший результат, лучший продукт).

Маркс открыл двойственное строение продукта труда (производства) в составе вещественной потребительной стоимости и трудозатратной стоимости. По Марксу конкретный труд создает потребительную стоимость продукта, а абстрактный труд – его стоимость. В действительности, продукт труда имеет тройственный состав, тройственную структуру: вещественную потребительную значимость, индивидуальную трудозатратную стоимость (себестоимость) и индивидуальную (агрегируемую в групповую и общественную) трудорезультативную ценность. Отсутствие в трудовой теории стоимости Маркса третьей и важнейшей категории продукта труда – категории «ценность продукта» – сыграло с его теорией «злую шутку», а с историей человечества величайшую катастрофу: противоречия развития и крах первой в истории человечества масштабной попытки построения социалистического общества.

Маркс запутался уже в определении категории «потребительная стоимость». Постулируя и настаивая на вещественном, материалистическом содержании этой категории, он договаривался до того, что она, то существует однозначно (как в случае портного и его первого сюртука), то она удваивается (как в случае с золотым песком и золотыми монетами), то она исчезает (как в случае с портным и его последующими сюртуками, изготавливаемыми для продажи).

Маркс утверждал, что стоимость продукта есть количество абстрактного труда, затрат рабочей силы, общественно необходимой для изготовления продукта при общественно средних условиях производства и среднем уровне умелости работника. И он же писал о наличии индивидуальной стоимости. То есть, о наличии индивидуальных общественно необходимых затрат. Такие представления категорически противоречат диалектике единичного и всеобщего.

Дерево антинаучно описывать, как фрагмент, как элемент леса! Научна обратная логика. Лес - это совокупность, система взаимодействующих деревьев, кустарников, травы, почвы и прочее. И сначала должны быть определены и дерево, и кустарник, и травинка...

В действительности стоимость всегда и везде есть количество индивидуальных и фактически понесенных индивидуальным субъектом труда затрат его абстрактно-затратного труда, индивидуальной рабочей силы. Стоимость всегда возникает в экономике как индивидуальная себестоимость изготовления продукта (и агрегируется для различных множеств изготовителей). И стоимость (себестоимость) изготовления всякого конкретного продукта по факту завершившегося изготовления всегда конкретна и однозначна. Но технология изготовления одинаковых продуктов может быть различной. Поэтому стоимости изготовления их разными изготовителями могут оказываться различными.

Тем более различны, вариативны пути обретения потребителем продукта в потребление. К различным вариантам изготовления своими силами с появлением обмена добавляются множественные варианты самостоятельного изготовления других продуктов и обмена их на желаемый продукт других изготовителей. И в этой вариативности для каждого потребителя всегда есть свой желанный минимум (опять проявляется абстрактно-затратное отношение к труду – желание получить результат за счет минимальных затрат труда и денег). Именно эти минимальные из всех возможных для данного потребителя альтернативных затрат труда обретения продукта в свое потребление становятся содержанием категории «ценность продукта» чужого труда для каждого индивидуального потребителя.

Фактическое содержание категории «ценность продукта» интуитивно было известно, например, каждому русскому мужику, понимавшему, что «за морем телушка полушка, да рубль перевоз»! Но Маркс не только не понял этого истинного содержания ценности продукта, но даже не включил категорию «ценность» в состав своего двойственного строения категории «продукт труда».

Но и маржиналисты оказались не чуть не лучше. Хотя они все содержание категории «благо» и описывали, опираясь на единственную категорию «ценность» блага, но определили ее категорически неполно и, в целом, ошибочно. Всего лишь, как «психологическое ощущение значения единицы блага для благополучия потребителя» (Карл Менгер, Ойген Бем-Баверк и др.). Но психологическое значение, не выраженное в величине допускаемых затрат труда, которые потребитель соотносит с этим значением, есть фикция, выражаясь языком простого народа «пустое место». Вот почему маржиналисты и их идеологические наследники «экономиксисты» в последствии вынуждены были исключить пусто-выраженную ими категорию «ценность» из научного оборота и заменить ее категорией «цена».

Отсутствие в марксистской трудовой теории стоимости полезностно-результативной категории «ценность» завело теорию во множественные научные тупики.

Маркс утверждал, что важнейшая категория «производительность труда» имеет исключительно вещественное содержание, как отношение потребительной стоимости (выраженное в единицах измерения различных видов материи) ко времени ее изготовления. Продукт измерялся в вещественных единицах веса, длины, объема, штуках и так далее. Производительность труда – в тоннах в смену, штуках в час и т.д. При этом относительно легко было сравнивать производительность труда, например, шахтера Алексея Стаханова и любого

другого шахтера страны. А вот сравнить его производительность труда с производительностью труда математика и педагога Якова Перельмана ни теоретически, ни практически было не возможно. И все «упражнения» с простым и сложным трудом положительного результата не давали.

В действительности, важнейшее содержание и понимание для выстраивания системы разделения труда в обществе играет стоимостное измерение производительности труда всякой конкретной разновидности, как отношение ценности продукта труда к его стоимости. В капиталистическом обществе это «определение» осуществляется значительно более тонко и точно, чем при советском антикапитализме, через сопоставление и соотнесение цены продукта и цены рабочей силы, создавшей этот продукт. Только в этой капиталистической методологии есть принципиальное ограничение. Потребителями частичных продуктов частичного труда всякого работника самым опосредованным образом являются все члены общества. Субъектами установления ценности агрегированного продукта корпоративного труда являются корпоративные или индивидуальные потребители. А субъектами установления ценности частичных продуктов всех частичных трудов внутри фирмы являются исключительно собственники средств производства (отчасти они делегируют эти полномочия менеджменту). Потребителями являются все, а субъектами установления ценности – только собственники! И капиталистические частные собственники никогда не откажутся от такой своей привилегии и, таким образом, объективно будут тормозить производственный и общественный прогресс.

При адекватном понимании и измерении ценности продукта труда всякой конкретной его разновидности в условиях всеобщего рынка обмена продуктами частичного труда в подлинно социалистическом обществе появляется возможность исчислять, сопоставлять и стимулировать производительность труда всякого работника максимально точно.

В марксистско-ленинской теории утверждалось, что советское общество является обществом торжества социальной справедливости. Отчасти это было так. В СССР были принципиально ликвидированы эксплуататорские классы, так как была ликвидирована частная собственность на средства производства. Но о максимально возможной социальной справедливости в обществе не могло быть и речи. Потому, что в марксистско-ленинской теории понятие, категория «социальная справедливость» не было адекватно определено и математически выражено! С одной и, к тому же, неверно определенной трудосодержащей (трудозатратной) категорией «стоимость» (без трудорезультативной «ценности») Маркс в этом отношении ничего сделать не мог. А мы с Вами помним, что наука начинается там и тогда, когда она опирается на математику.

В действительности, в моей подлинной политэкономии XXI-го века, в науке «наноэкономика» работающего человека, являющейся основой для подлинных микро- и макро- экономик, социальная справедливость в обществе выражается через категорию «степень социальной справедливости», которая может определяться по отношению общества к каждому работающему человеку общества, по соотношению стоимости продукта труда, созданного работником, ценности этого продукта и его оплаченной ценности или заработной платы работника.

Степень социальной справедливости по отношению к субъекту всякого частичного труда в обществе есть отношение разности между оплаченной ценностью частичного продукта, созданного данным трудом (заработной платой), и его стоимостью к стоимости продукта

данного частичного труда. Чем более приближается заработная плата работника к общественной ценности его продукта, тем больше степень социальной справедливости в обществе по отношению к этому работнику.

Наивысшей социальной справедливости достигнет то (подлинно социалистическое) общество, в котором по отношению к каждому работающему человеку будет реализована равная для всех степень социальной справедливости. При этом, разумеется, не будет никакой уравниловки ни в себестоимостях, ни в количестве и качестве продукта, ни в его корпоративной и общественной ценности, ни в заработной плате.

В марксистско-ленинской теории социализма теория эксплуатации носила исключительно классовый (с научной точки зрения, «детский», как «детская болезнь левизны в коммунизме», прямолинейный и догматический) характер, а само понятие эксплуатация не было логически формализовано и математически определено (повторю, в марксистской «одно-стоимостной», «бесценностной» теории иначе и быть не могло).

В действительности, в моей подлинной политэкономии XXI-го века, в науке «наноэкономика» работающего человека, являющейся основой для подлинных микро- и макро- экономик, отношение эксплуатации в обществе выражается через категорию «степень эксплуатации» и ее формальное и математическое выражение.

Степень эксплуатации человека в обществе есть отношение разности между общественной ценностью частичного продукта частичного труда этого работника и оплаченной ценностью (заработной платой) за этот продукт к стоимости продукта.

После такого определения, математического выражения и исчисления становится очевидным, что в эпоху торжества атомной, биологической, космической наук в ключевых понятиях функционирования общества, стремящегося к выживанию и лидированию в сложнейшем конкурентном мире, таких, как эксплуатация и справедливость, властью должны быть осознаны и взяты на вооружение «производные более высокого порядка», чем это было сделано Марксом и его апологетами более 150 лет назад.

В марксизме не определялась точно и не исчислялась корректно также категория «эффективность труда». В «наноэкономике» она и формулируется и выражается математически.

В целом, в отношении трудовой теории стоимости Карла Маркса научно утверждать, что она категорически неполна, частично и критически ошибочна. Это привело к тому, что после перехода в СССР на стоимостные методы управления народным хозяйством в экономике страны буйствовал «затратный механизм», «затратный маховик», который, в конечном итоге, и обусловил общую неконкурентоспособность советской экономики. Ведь при отсутствии в народном хозяйстве рыночных (обменных) способов установления ценности и цены продуктов (по причине отсутствия их в марксистско-ленинской теории) и при использовании нормативной прибыли при исчислении цены самым «действенным» способом увеличения прибыльности всякого производства оказывалось увеличение его издержек, затрат, себестоимости.

Не верна была и остается также марксова «тетрахотомия» общественного воспроизводства. Маркс и его неглубокие последователи выстраивали такую «набившую всем оскомину» последовательность стадий движения продукта в обществе: производство – распределение –

обмен – потребление. Из этой теории вытекало всеобщее обобществление (огосударствление) общественного продукта и его распределение иерархической структурой государства (государство – Левиафан). Прямому товарному обмену отводилась ничтожная роль.

В действительности, в моей подлинной политэкономии XXI-го века, основанной на наноэкономике, обмен первичнее распределения. Обмен есть процесс изменения субъектности в пространстве равноправных субъектов (еще первобытные и равноправные муж и жена добровольно создали семью, разделили совокупный труд на труд мужа и жены и добровольно стали обмениваться его продуктами). Распределение – в пространстве неравноправных субъектов (в семье родился, естественно, неравноправный до поры ребенок и возникла необходимость распределения семейного продукта между родителями и ребенком). Обмен возник раньше распределения. Распределение по природе и по долженствованию является частным случаем обмена, а весь цикл движения общественного продукта выглядит в следующей последовательности: производство – обмен – распределение - потребление.

И вот как в результате выглядит этот теоретико-практический казус. В теории – простая перестановка очередности двух терминов, категорий. А в жизни миллиардов людей – принципиально разные подходы к организации общественного производства и общественного потребления, общественной системы разделения труда. И после такой констатации кто-то может еще думать и говорить о «ничтожности» значения теорий перед «потребностями текущего дня»!

В моей подлинно адекватной и прогрессивной политэкономии XXI-го века процессам обмена продуктами труда в обществе уделяется первостепенное значение. Материалистической сущностью этого процесса является (как правило) изменение пространственного положения продуктов труда в обществе. Юридическим содержанием – изменение субъектности собственников продукта. Экономическим содержанием – установление общественной (через межкорпоративную и внутрикорпоративную) ценности каждого частичного продукта труда в обществе. Итоговым системным результатом – неуклонное совершенствование системы разделения труда в обществе. Как по структуре, так и по кадровому наполнению.

Этот результат достигается через максимальную объективизацию значений ценностей новых частичных продуктов в измененной какими-либо субъектами трудовой деятельности системе разделения труда, выявление и закрепление таких изменений, которые для наибольшего числа субъектов системы дают наибольшую экономию индивидуальных затрат труда (индивидуальных себестоимостей) и обеспечивают наибольший совокупный уровень потребления.

В подлинно социалистическом обществе всякий труд будет пониматься, как частичный труд в совокупном труде общества, создающий индивидуальный частичный продукт в совокупном общественном продукте. Каждый частичный продукт будет характеризоваться индивидуальной стоимостью (себестоимостью) его изготовления и множественными индивидуальными ценностями для каждого из различных потребителей (в теории – всех членов общества), агрегируемыми в общественную ценность.

Индивидуальные стоимости (себестоимости) всех частичных продуктов частичных трудов доподлинно известны производителям и (особенно в цифровую эпоху) могут контролироваться

обществом и государством. Субъектом определения индивидуальной ценности частичного продукта по определению является каждый индивидуальный потребитель. Общественная ценность частичного продукта будет определять тем более объективно, чем большее число потребителей будет задействовано в процессе оценки. В теории и потенциале – все члены трудового коллектива, все члены общества. Поэтому обмен частичными продуктами в подлинно социалистическом обществе должен стать всеобщим, распространенным в своих существенных отношениях и внутри предприятий, организаций, учреждений.

Для рынка (как пространственно-временного поля реализации отношений обмена в обществе) отделяемых (отчуждаемых) товаров процесс обмена будет осуществляться традиционным для капиталистического рынка образом. Субъекты (собственники) отделяемых продуктов будут находить в разных точках пространства и времени (в области хозяйственного механизма) тех партнеров и закреплять те отношения производства и обмена, которые будут подтверждать своей оплатой наибольшую для них ценность получаемого от изготовителя продукта, обеспечивать изготовителю наибольшую индивидуальную прибыль.

Рынок неотделяемых (неотчуждаемых) продуктов будет функционировать диалектически противоположно. Поскольку в этой ситуации обмен (фактический, технологический, пооперационный обмен) возможен только между фиксированными субъектами смежных технологических операций, то субъекты обмена будут варьировать не личности друг друга и их частичные продукты, товары, а их ценность, цену. В этих обстоятельствах каждый работник будет иметь право и возможность понизить или повысить свою индивидуальную оценку частичного продукта любого своего смежника, посредством систематической или целенаправленной простановки понижающих или повышающих коэффициентов к текущей заработной плате своего партнера по труду и обмену. Индивидуальные оценки будут агрегироваться в совокупные групповые и корпоративные ценности. Предельная максимизация числа субъектов установления индивидуальных ценностей безусловно обеспечит максимальную точность итоговой общественной ценности всякого частичного продукта труда в обществе.

Максимальная объективизация общественных ценностей частичных продуктов частичного труда каждого члена общества станет важнейшим и самым действенным стимулом для оптимизации кадрового состава системы общественного разделения труда и, как следствие, оптимизации ее структуры.

Далее. Общественная практика стран СЭВ и крах системы, неправомерно называемой социалистической, продемонстрировали полную несостоятельность марксистско-ленинской теории социалистической общенародной собственности на средства производства.

Дело в том, что Маркс и многие (если не все, кроме меня) его последователи и его противники концентрировали свое внимание на движении в истории прав собственности, прав владения, пользования и распоряжения на вещественные факторы и средства производства. Но такой подход мало продуктивен. Ведь уже очень давно, со времени существенного усложнения вещественных средств производства, с появлением машин и их сложнейших комплексов и в отличие от отношений собственности на предметы потребления, права распоряжения, права пользования и, даже, в некоторой мере права владения средствами производства делегируются конечными их индивидуальными и корпоративными юридическими собственниками некоторым и многим наемным работникам, которые, к тому, же через

системы акционирования предприятий часто оказываются их миноритарными собственниками. А вся система совокупных отношений собственности представляет собой сложную иерархическую пирамиду, включающую большие множества субъектов различных технических, организационных и финансовых полномочий.

И такие пирамиды совершенно естественным образом чрезвычайно похожи и при современном капитализме, и в прежнем антикапиталистическом СССР. Ведь конкретный (технологический) характер труда принципиально общ для всех формаций.

Я применил к проблеме системный подход. Я представил всякого человека, занятого в народном хозяйстве, как системный объект, как структурированную систему, состоящую из нескольких подсистем. Человек в целом есть система высшего уровня – система «жизнь». Она включает в себя подсистему «тело» человека. Подсистема «тело» включает в себя подсистему «рабочая сила». Подсистема «рабочая сила» включает в себя подсистему «продукт труда». А в целом человек предстает при таком анализе, как пирамида систем, которую я назвал Пирамидой Сафончика.

Хотя я, как и Маркс, представляю человека, как единственного в природе субъекта процесса труда, он также часто фактически является (увы, по аналогии с рабочим скотом) своеобразным живым средством производства, в экономикс – живым фактором производства «труд». Для обеспечения научности теории собственности на средства производства критически важно проследить диалектику движения в истории отношений собственности на различные жизненные подсистемы человека.

В первобытнообщинной формации частной собственности не было и каждый человек был полноправным собственником всех своих жизненных подсистем.

При рабовладении часть членов общества – рабовладельцы – были собственниками всей системной целостности своих рабов. А другая часть членов общества – рабы – (отсюда и термин «частная собственность») не были собственниками никакой своей жизненной подсистемы. Символом такой рабовладельческой частной собственности было узаконенное право на лишение рабов жизни во всей ее системной входимости.

При феодализме часть членов общества – крепостные – наделялись правом собственности на свою систему «жизнь» (убивать крепостных «по производственной необходимости» стало запрещено), а феодалы оставались собственниками систем «тело» своих крепостных (телесные наказания, оседлость, право «первой ночи»), «рабочая сила» (самовластное направление на разные виды работ) и «продукт труда» (барщина, оброк).

При капитализме часть членов общества – наемные работники – теперь наделялись еще и правами на свое «тело» (запрещены телесные, отменена оседлость) и на свою «рабочую силу» (наемные работники сами решают, какую профессию осваивать и к какому капиталисту идти «в наем»). А капиталисты остаются распорядителями купленной «рабочей силы» и собственниками «продукта труда», созданного наемными работниками.

Оказывается, что формационная теория, которую отстаивали коммунисты, глубоко и неопровержимо научна! А это означает, что капитализм не вечен! Налицо фундаментальная историческая закономерность, исторический тренд на последовательную гуманизацию отношений собственности на жизненные подсистемы человека. По этому тренду каждый

бывший наемный работник должен стать собственником всех своих жизненных подсистем, в том числе и собственником продукта своего труда.

Спрашивается, а как эта закономерность была реализована в антикапиталистической экономике СССР? А никак! Или даже прямо противоположным образом! Индивидуальные и корпоративные, но, все-таки, множественные капиталистические частные покупатели «рабочей силы» наемных работников и собственники (и оценщики) их подсистемы «продукт труда» были заменены унитарным покупателем и собственником – государством с его, неизбежно, командно-административной системой. Большей степени монополизма в отношениях найма рабочей силы и представить себе невозможно! И эту фундаментальную ситуацию принципиально нисколько не меняло то обстоятельство, что «кухарка могла стать членом правительства».

В подлинно социалистическом обществе выявленная тенденция движения отношений собственности будет реализована в полной и окончательной мере. Бывшие наемные работники, ставшие действительно свободными и равноправными тружениками, станут полноправными собственниками еще и своей (и только своей) подсистемы «продукт труда», собственниками всей своей системной целостности. А их бывшие «работодатели» станут равными им собственниками только своих жизненных подсистем.

Но в правовом поле стать собственником продукта своего труда можно только став собственником средств производства, на которых этот продукт произведен. Это закономерно означает, что каждый работник подлинно социалистического общества должен стать собственником тех средств производства, на которых он фактически и действительно работает и на то время, в течение которого он на них работает. И если это масштабное средство производства, на котором, выполняя те или иные производственные должностные обязанности, предусмотренные соответствующими должностными инструкциями, работают многие работники, то индивидуальное право собственности каждого работника соответствующим образом агрегируется в индивидуально-коллективное право трудового коллектива и в индивидуально-коллективно-общественное право общественной собственности на средства производства общества.

На практике это означает, что каждый работник общества должен получить право и возможность безотказно быть принятым на работу по специальности, присутствующей в публично доступном штатном расписании любого предприятия, при наличии у него документов, подтверждающих соответствующую квалификацию, даже при полной занятости на предприятии существующих рабочих мест, на договорных началах и, по крайней мере, на условиях минимальной оплаты труда в обществе. Каждый работник таким самым полным образом реализует свое право на труд и продукт труда именно на том рабочем месте того предприятия, где по его мнению он произведет наибольший и наилучший продукт, подтверждая свои притязания фактическим количеством и качеством своего продукта. А трудовой коллектив реализует свое коллективное право на продукт и средства производства посредством некоторой поднастройки прежней производственной структуры (например, работа двух работников по пол-смены), индивидуально-коллективной оценки продукта всех и каждого и экономического побуждения к движению и наиболее эффективной расстановке кадров по рабочим местам.

И все это необходимо для того, чтобы у общества появилась возможность максимально объективировать (за счет использования оценок наибольшего числа участников всеобщего рынка) и максимально точно исчислить в рамках всеобщего рынка обмена частичными продуктами частичного труда общественную ценность частичного продукта труда каждого частичного работника. И далее, соблюдая принцип равной для всех степени социальной справедливости, рассчитать и выплатить работнику вознаграждение за его продукт труда. И, максимально приблизив заработную плату к общественной ценности продукта, создать наилучшие предпосылки для инвестиций каждым человеком в качество своего образования, уровень здоровья и качество своей рабочей силы. А на уплаченные налоги создать эффективные общественное самоуправление и государство.

И еще. Нестерпимо больно и позорно русскому человеку терпеть подлую узурпацию англосаксонскими «лидерами человеческой цивилизации» высокого звания быть приверженцами свободы и либерализма. Они бы еще, рядясь в тогу всемирных демократов, вернули в общество сословную стратификацию, кастовую структуру и телесные наказания!

Как и все в этом мире демократия, либерализм не могут быть сущностями безусловными и абсолютными, а являются отношениями относительными. В XXI-м веке, когда на повестке дня стоит вопрос об осуществлении нового естественноисторического рывка в наделении человека базовым социальным правом на продукт его труда, когда вот-вот станет возможным полное освобождение человечества, не имеют право называть себя демократами и либералами люди, которые по всему миру насаждают и всеми силами удерживают частную собственность на средства производства и эксплуатацию человека человеком, права и свободы только для части членов общества.

Как уже было научно подтверждено, капиталистическая социально-экономическая система конечна, ибо она не предполагает наделения всех членов общества правом собственности на продукт своего труда. Эта конечность подтверждается разворачиванием в мире современного глобального кризиса капитализма. Этот кризис не является очередным циклическим, а является глубочайшим системным. Это подтверждается тем, что к настоящему времени капитализмом и, главное, доминирующими в обществе капиталистами в деле их неограниченного финансового обогащения последовательно исчерпаны все, как говорят экономиксисты, факторы производства: и труд, и земля, и вещественный и денежный капитал.

Уже давно ранее и сегодня капитал (функционирующие капиталисты) не оставил без вовлечения в процесс своего возрастания, за все сокращающимися исключениями, ни одного человека Земли. И ранее, и сегодня часто и многоместно используется труд и престарелых стариков (увеличение пенсионного возраста) и малолетних детей.

Исчерпав ресурсы рабского и крепостнического труда, молодые капиталы и капиталисты в свое время сосредоточили главное внимание на факторе производства «земля» (в марксистском и научном понимании факторе «материалы», которые однократно входят в текущий производственный процесс). Именно захват и хищническая эксплуатация сельскохозяйственных земель, естественно-природных материалов, полезных ископаемых и драгоценных материалов стало в то далекое время очередным главным источником увеличения потока денежных доходов земельных и торговых капиталистов.

Когда эти потоки естественно-природно и в связи с возрастанием конкуренции стали истощаться наиболее смысленные капиталисты обратили повышенное внимание на фактор производства «вещественный капитал», на машины и оборудование, как источник ускоренного возрастания своего денежного богатства.

Карл Маркс открыл миру 1-й способ эксплуатации капиталистом своих наемных работников, заключающийся в максимально возможном занижении реальной заработной платы по сравнению с полной ценностью прибавочного продукта, созданного его работником. Благодаря открытию тройственного характера труда и тройственного строения продукта труда я открыл 2-й, еще более завуалированный способ эксплуатации капиталистом наемных работников другого капиталиста, на предприятии которого изготовлено средство производства длительного пользования (вещественный капитал), которое первый капиталист использует в своем производственном процессе. Это происходит из-за того, что стоимость машин и оборудования переносится на стоимость продукта только в течение периода амортизации оборудования, а ценность – в течение всего срока службы средств производства длительного пользования. И эта перенесенная ценность (созданная трудом работников, изготовивших оборудование, но не оплаченная полностью при его продаже) значительно превышает перенесенную стоимость. И эти, часто, многократно большие деньги присваивает капиталист, эксплуатирующий высокопроизводительное оборудование (и мы с Вами прекрасно знаем сколько денег зарабатывают западные капиталисты, открывающие в России предприятия, оснащаемые своим давно и многократно амортизированным на родине оборудованием).

Благодаря такой двойной эксплуатации промышленные капиталисты длительное время усиленными потоками накапливали гигантские денежные капиталы. Отсюда и их многомиллиардные состояния.

Но со временем, под действием неравномерности промышленного развития разных капиталистических корпораций и стран, под влиянием конкуренции мировых капиталистов в качестве главного ресурса, фактора производства, обеспечивающего основной поток доходов и прибылей капиталистов стал денежный капитал. В самом деле, «производственные» издержки обращения банкнот и электронных денег значительно меньше, а процент на капитал значительно больше. Тем более, что со временем удалось сделать мировую финансовую систему долларо-центричной и сверх-монополевой. Таким образом на рубеже XX-го и XXI-го веков главными бенефициарами капиталистического накопления стали англосаксонские финансисты, «хозяева денег».

Однако, жажда все больших и больших денег сыграла с ними «злую шутку». Осуществляя на протяжении 40 лет в погоне за сверхприбылями гигантские инвестиции в Китай, они «вскормили» своего мощнейшего геоэкономического конкурента, который сегодня стал крупнейшей экономической державой мира. А за Китаем вдогонку стремится Индия. В результате гигантские финансовые потоки, длительное время притекавшие в англосаксонский мир, в значительной степени изменили свое направление на юго-восток евразийского континента. «Золотой» евро-американский миллиард стал испытывать серьезные финансовые трудности. А сокращать свои доходы хозяевам денег ой как не хочется.

И что же дальше? Где тот новый ресурс, фактор производства, который вновь наполнит привычную для старых мировых гегемонов финансовую реку? Такого нового фактора производства в экономике нет и быть не может. И выход им видится в «освоении»

неисчерпаемых ресурсов России и стран постсоветского пространства. А коль не вполне удастся - в обрушении неблагоприятно складывающейся мировой экономической конъюнктуры, в распространении хаоса по периферийным регионам мира. По иезуитской логике хозяев денег мир должен быть разрушен. И если не путем 3-й мировой войны, то посредством экономических санкций, разрушения логистических, информационных и финансовых связей, путем локальных и гибридных войн. А если потребуется, то и биологической войны. А потом можно будет «зарабатывать деньги» в еще большем объеме на послевоенном «восстановлении» «сырых и убогих».

А что же Россия? Что же могут противопоставить этому русские люди?

Мы никогда не были и не можем быть конкурентами англосаксам в исповедовании и использовании индивидуализма и эгоизма. Мы никогда не сможем превзойти их в кровавой жестокости в отношении чужих народов (англичан по отношению к индусам, китайцам и североамериканским индейцам, немцев в отношении евреев, американцев в отношении вьетнамцев и так далее). Мы для этого слишком восточный («да, скифы -мы, да, азиаты - мы с раскосыми и жадными очами»), слишком гуманный народ. И негоже нам стремиться обогатиться, превзойдя их в этом человеконенавистничестве.

Но мы никогда не сможем превзойти и азиатов в их величайшем деспотизме и геноциде собственных и близких по крови народов (японцев в отношении китайцев, камбоджийцев в отношении самих себя во времена Пол Пота). И в этом нам невозможно и немислимо с азиатами соревноваться. Мы для этого слишком «цивилизованные европейцы».

Мы должны оставаться «срединным государством», «срединным народом» и «срединным обществом». Золото-срединным! Потому, что крайности всегда плохи. Потому, что крайний индивидуализм и эгоизм порождает и будет порождать национальную, расовую, религиозную и экономическую исключительность части людей, частную собственность, эксплуатацию, нацизм и фашизм. Потому, что крайние государствизм и имперскость порождали и будут порождать национальный, религиозный и социальный геноцид, деспотию власти и нищету народа.

Мы уже ставили и решали всемирно-историческую задачу установления благотворного баланса между природным животным индивидуализмом и эгоизмом, и природным животным стадообразием, биологическим дарвинизмом. Мы добились на этом пути, хотя всегда и противоречивых, но, во многом, общепризнанно выдающихся результатов (иначе бы с нами так не боролись). И мы не должны после этого скатываться в пучину человеческой дикости и строить жизнь общества на принципах социального дарвинизма!

Да, человек – сложный объект материального мира и сложный объект познания. Но человечество и россияне добились выдающихся результатов в его познании. Да, общество сложнейшая совокупность взаимодействующих друг на друга индивидов и еще более сложный объект познания. Но мир, человек и человеческое общество принципиально, практически и последовательно познаваемы! И из прошлых ошибок в попытках познания и прогрессивного преобразования общества мы можем извлекать и извлекаем необходимые и конструктивные уроки. В начале, как всегда и во всем, некоторые из нас. Потом – многие другие. Если заниматься таким познанием. Если не становиться в позицию Алисы из «Страны

чудес»: я займусь этим завтра. А лучше, пусть этим занимается кто-либо другой. Мол, есть дела и поважнее.

У человечества нет более важных дел, чем добывание наиболее полного и точного знания во всех областях общественной жизни! Ибо всем наилучшим, что оно имеет в плане своего благополучия оно обязано именно своему знанию и умению его использовать. Особенно в области социально-экономических отношений. Ибо именно революционные изменения в области совершенствования социально-экономических отношений дают наибольший социальный результат. Он превосходит результат любого естественнонаучного открытия и изменения. Потому, что максимальным образом стимулирует колоссальный поток таких открытий во всех отраслях человеческого знания, науки и техники.

Я могу только приблизительно догадываться о всей тяжести и ответственности принятия Вами решений по этим вопросам. Но, ведь, столь же велика тяжесть и ответственность непринятия необходимых решений. Человечество всегда дорого платило за неполное и неточное знание объективных законов саморазвития материи, природы и общества. Но оно всегда многократно больше теряло и теряет от нежелания познавать и от отрицания нового (неофициозного) знания.

Верить в то, что открыл не сам, всегда трудно. Но, ведь, сумели же Вы когда-то поверить Герберту Александровичу Ефремову. А, ведь, ему, как говорят, не верил больше никто.

Поверить мне Вам еще сложнее. Вот и академик В.М. Полтерович говорил мне, что в реализации ТАКИХ моих научных и политических амбиций (это его прямые слова, и я вынужден их здесь озвучить) помогать мне не решится никто. Потому, что никто не поверит. И ответственность (почет) делить никто не захочет. И пока он оказывается правым. И, что же, Вы вот так просто согласитесь быть «поставленным на общую доску»?

Говорят, что ментально Вы человек, скорее, правых взглядов. И я не прошу Вас идеологически «полеветь». Себя я считаю даже большим марксистом, чем сам Маркс. Потому, что я разделяю не каждое его слово и каждую букву, а принимаю высшую результативность его диалектико-материалистического метода познания действительности. И я знаю, что в деле познания основных объективных закономерностей саморазвития общества, я продвинулся значительно дальше Маркса. А Вас я прошу отнестись к сути моего обращения и всех моих прежних полученных Вами или нет материалов, исключительно, как относится Ученый с большой буквы. Тогда и, как политику, решения принимать Вам будет легче.

Мы в России должны реализовать индивидуально-коллективную форму общественной собственности на средства производства. Потому, что именно мы (я и теперь Вы) знаем, почему она является исторически более прогрессивной и как ее правильно реализовать.

Мы в России должны реализовать всеобщий рынок обмена частичными продуктами частичного труда в обществе, потому что именно и исключительно мы (я и Вы) знаем, что этот рынок по глубочайшей диалектической предопределенности окажется высшей формой плановости общества. И мы знаем, как его реализовать.

Мы в России должны реализовать высшую форму народовластия и демократии, потому что именно и исключительно мы знаем, что ключевым их элементом является производственная демократия, реализуемая во время функционирования всеобщего рынка обмена в условиях

индивидуально-коллективно-общественной формы подлинно социалистической собственности на средства производства.

Я искренне желаю Вам такого общество- и миропонимания и успехов в возрождении России на такой теоретической основе.

С глубоким уважением, Сафончик В.Н., Соискатель Истины.

30 сентября 2020 г.